

Светлана Весельева

Поганый лес

Сыщик и нечисть 1

Светлана Весельева

Поганый лес

<https://litres.ru/74100523>

SelfPub; 2026

Аннотация

В селе у подножия горы Стрижамент каждую весну бесследно исчезают дети.

Из города приезжает следователь, чтобы найти преступника, но жители уверены: лес требует жертву. И когда приходит время, они выбирают невесту для лешего.

Но правда оказывается страшнее легенд: сто лет назад был заключён договор, который так и не был исполнен. Теперь лес пришёл за своим. Чтобы спасти живых, героям предстоит исполнить обещание данное мёртвым.

"Поганый лес" - первая книга серии "Сыщик и нечисть". Вторая книга серии называется "Призрак подземелья"

Обложка сделана при помощи нейросети

Содержание

Глава 1. Поганый лес	4
Глава 2. Беяна	11
Глава 3. Поиски плотника	21
Глава 4. Пролески в колыбели	33
Глава 5. Устинья ворожит	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Поганый лес

Глава 1. Поганый лес

Село Екатериновское год 1900

Дверь в мастерскую отворилась, тихо скрипнув. Ворвавшийся в помещение поток воздуха всколыхнул стружку. Лёгкие деревянные колечки покатались по полу.

— Митька, — позвал Иван заговорщицким голосом.

Митя обернулся. Не к добру у отца такой голос. Значит, задумал что-то и хочет скрыть это от матери. В прошлый раз его задумка обернулась штрафом от лесника за срубленный в непопозволенном месте дубок. В следующий раз лесник обещал отца под суд отдать, а Митьку выпороть прилюдно. Ох и было им тогда от матери обоим!

— Я такую липку приметил! Любо-дорого. Собирайся, пойдём на Стрижамент в Поганый лес, пока мамки дома нет, — быстро проговорил Иван. Он вошёл в мастерскую, снял со стены пилу.

— В Поганый лес? — удивился Митька, не отрываясь от работы над деревянной ложкой. — Там рубить нельзя. Лесник узнает и будет нам... Как в прошлый раз, когда ты дубок приметил. И зачем в гору лезть? Тащить оттуда мы липку как будем? Снег сошёл. На горбу? Я так и до свадьбы не доживу.

— Я уже всё придумал. Тачку возьмём, — сказал Иван.

Глаза его горели. — Топор возьми. И скорее давай, а то солнце сядет, пока ты соберёшься. До свадьбы он не доживёт... Будешь отцу перечить — вернее не доживёшь.

— Бать, лесник поймает. Под суд ведь отдаст, — напомнил Митька. — А маманя узнает, так лучше б под суд.

— Не поймает лесник. Он в Спицевку уехал, внук у него родился. Несколько дней не будет. Всё успеем и следы заметём. Пусть потом ищет, кто дерево рубил, — сказал Иван, вытаскивая из-под стола моток верёвки.

— Как будто кроме тебя, та липка кому-то нужна, — проворчал Митька. — Увидит кто из села и доложит.

— Скажем, что за валежником ходили. Давай быстрее! — поторопил Иван.

— В гору за валежником? — вспыхнул Митька. — Вон лес за калиткой!

Митька угрюмо посмотрел на отца, отложил тесло, вздохнул. Сколько хочешь противься, а если батька решил, то так тому и быть.

Дверь скрипнула, затворилась. Митька надел старый отцовский тулуп, вышел из мастерской, наклонившись, чтобы не зацепить головой притолоку.

В гору поднимались окольной тропой. Тачка цеплялась за торчащие корни деревьев, застревала в буреломе. Митька бурчал себе под нос ругательства, выпускал пар. Иван шёл легко, спешил.

Макушка у Стрижаменты плоская. Весной и летом здесь

такое разнотравье, что не надышишься запахами. Повитуха берёт на поляне травы для своих зелий. Лесник хотел было власть проявить и вниз её прогнать, но одного взгляда старой знахарки хватило, чтобы лесник замолчал и старался оказаться подальше, когда та травы собирает. Нашлёт ещё немочь какую, к ней же потом на поклон идти. За поляной растёт Поганый лес.

Называли его так из-за каменной бабы, стоявшей прямо перед лесом. Баба та была поставлена здесь в такие старые времена, что достоверно никто не знал кем и зачем. Знали только, что не к добру. Не то кладбище здесь было стародревнее, не то колдун жертвы языческим богам приносил. Говорили ещё, что лешему здесь девок в дар оставляли.

Смотрел идол на восток чуть заметными провалами глаз. Нос его был отбит, рот давно превратился в щель. Руки идола сложены на животе. На голове как будто бабий платок. Потому и решили, что идол женского пола.

На селе про эту бабу много страшных историй рассказывали. Митька не боялся. Насмешничал над теми, кто эти истории рассказывал, но слушать их любил. От неизведанного и непонятого в душе приятно щекотало.

Летом на поляне хорошо. Насекомые трещат, зной разливается, ветер носит медовые ароматы. А теперь грязь и запустение. Остатки белёсой прошлогодней травы прижимаются ветром к самой земле. Митька поёжился.

Навстречу им с отцом из Поганого леса вышла девушка с

длинной белой косой, в нарядном тулупчике, с ярким платком на плечах. Прошла мимо, улыбнулась. На щеках её появились ямочки, придав лицу озорное выражение. Митька удивлённо посмотрел ей вслед.

— Чья это? — спросил он отца.

— Не знаю. Ты у нас по девкам. Авдотьяна может? У неё все белявые и рождает она их каждый год — не упомнишь, — отмахнулся Иван.

— Не, не Авдотьяна. Авдотьиных я знаю, — задумчиво сказал Митька, глядя вслед незнакомке.

Девушка шла медленно, плавно. словно не было под её ногами коряг и рытвин. Лебедь белая!

— Митька! — крикнул отец из лесу.

Митя вздохнул и потащил тачку на зов.

Иван, торопясь, шёл между деревьями, Митька старался не отставать. Мысли его теперь занимала девушка с белой косой. Что она делала здесь одна? Наряд на ней красивый, дорогой. Барынька, не иначе. Разве барыньки в одиночестве гуляют по лесу? Может, заблудилась? Надо было спросить, не нужна ли ей помощь. А если было нужно, то почему она сама не попросила?

Иван подошёл к высокой толстоствольной липе. Погладил её по стволу почти любовно.

— Вот она, краса моя, — сказал и протянул к сыну руку. — Давай топор. Будешь ты скоро в чьем-то доме жить, нечего тебе тут мёрзнуть, — обратился плотник к липе. — На-

режем мы из тебя игрушек и ложек. Шкатулок кружевных. Повезём в Ставрополь на ярмарку. Купим Митьке нашему сапоги, чтобы с хрустом. Будет он жених хоть куда! Да хоть к поповне сватайся!

Митька удивлённо посмотрел на отца. Откуда знает про его тайные мечтания? Поповна Лизонька давно жила в Митькином сердце. Да кто отдаст её сыну плотника? Не по статусу.

Топор взметнулся и вонзился в ствол дерева. И тут же раздался громкий, дикий крик-плач. Митька пригнулся, испугавшись неожиданного звука, зажал ладонями уши.

Из ствола брызнула кровь, заливая руки Ивана. На стволе дерева образовалась щель, похожая на искривлённый рот. Рот этот открылся, растянулся от невыразимой боли. Дерево громко стонало. Плотник потянул на себя топор, пытаясь вытащить его из дерева.

Липа выгнулась, словно от боли, собрала вверху ветви и с силой опустила их на голову Ивана. Плотник не удержался на ногах, упал. Окровавленный топор отлетел в кусты. Из ствола, пульсируя, текла кровь. Иван пополз, стараясь уклониться от ударов липовых ветвей.

Деревья вокруг взвыли волчьими голосами, человеческим плачем. Они тянули свои ветви к Митьке. Он попятился, споткнулся о торчащий из земли корень, упал и растянулся на земле. Над головой мотались из стороны в стороны ветви кричащих деревьев, норовя ударить Митьку. Стволы

скрипели, сыпались вокруг отломившиеся ветви, не сумевшие ухватить парня.

Митя вскочил с земли и побежал. Встречные кусты стелились по земле, пытаясь спутать ему ноги. Кроны деревьев со скрипом наклонялись. Ветки били по лицу и рукам. Лес кричал, и в этом крике была такая боль, что Митька ощущал её всем телом и слёзы катились по его щекам.

Над голыми кронами чёрной, шумной стаей летели птицы. Их было так много, что они заслонили собой солнечный свет. И Митька знал: когда он выскочит на луг, хищная стая бросится на него и растерзает.

Но оставаться в лесу было страшнее. Птицы, только недавно весело тренькавшие в ветвях, издавали какой-то скрежещущий, металлический звук, от которого всё нутро выворачивалось и сводило зубы.

— Ба-ать-каа! — закричал Митька на ходу.

Иван поднялся. Корни липы, взрывая землю, вырвались на поверхность, спутали плотнику ноги и потянули под землю. Иван не успел позвать на помощь сына, проваливаясь во влажную коричневую комковатую почву. Раненое дерево продолжало раскачиваться и выть. У его корней остался лежать топор. Чуть поодаль завалилась набок брошенная Митькой тачка.

Митя решил оглянуться только у каменной бабы, когда лес остался позади. Деревья все тянули к нему ветви. Они вытягивали корни из земли и, переступая ими, старались до-

гнать Митьку. Земля вокруг их стволов поднималась и опала, словно волны потусторонней реки.

Двигались деревья очень медленно, но это привело Митьку в такой ужас, что он решил не дожидаться, пока отец покажется из леса, и припустил прочь. Птичья стая стала снижаться, окружать парня. Он выставил вперёд руки, защищая лицо от их крыльев.

Девушка стояла на краю луга и смотрела на кричащий лес. Митька, проносясь мимо, схватил её за руку и потащил за собой.

— Не стой, дура! — крикнул он. — Забьют ветками! Заключают!

Девушка побежала рядом, увлекаемая Митькой вниз с горы. Лес с этой стороны Стрижаменты молчал. Деревья были неподвижны. Птицы покружили над кронами и отстали. Но Митька не замечал этого. В ушах стоял дикий вопль раненого дерева.

Митька тащил девушку за собой, продираясь сквозь кустарник и не разбирая пути.

Глава 2. Беяна

Мать была уже дома. Митька влетел в хату, гонимый ужасом, замер посреди горницы. Девушка налетела на него, не успев остановиться. Анна молчала, вытирая рушником вымытую миску. Её беспокойные карие глаза смотрели то на сына, то на гостью.

— А батька где? — выдавил Митька.

— Я думала, с тобой ушёл, — ответила мать. — Откуда так бежал?

Анна поставила миску на стол, тяжело опустилась на лавку. Плотникова жена была на сносях.

— В Поганом лесу липку рубили, — ответил Митька, стуча зубами.

Страх отпустил, и тело ослабло, перед глазами заплясали тёмные пятна. Он направился к лавке и тут вспомнил, что крепко держит за руку незнакомку. Митя разжал ладонь.

— Ты проходи, — смущённо сказал он гостье. И замер.

Девушка была необыкновенно хороша. От неё словно веяло весной, пахло нежными берёзовыми листочками. В ярких зелёных глазах незнакомки было столько солнца, что и весна не нужна.

Митька смутился, провёл рукой по волосам. Непослушные светлые лохмы давно нуждались в стрижке. Мать ругалась, что его шевелюру ветер даже в хате треплет.

— Чья же это? — улыбнувшись, спросила Анна. — Ты нездешняя вроде? В гости к кому приехала?

Девушка молчала. Зелёные глаза смотрели ласково, на лице лёгкая улыбка, щёки разрумянились от бега.

— Ты проходи, садись. Поужинай с нами, — пригласила Анна. — Отец-то где? — повернулась она к Митьке.

— Там в лесу. Липку он рубил. А деревья вой подняли. Гнали меня до самого дома, ветками били, — зубы у Митьки стали выбивать дробь, мешая говорить. — Я думал, он быстрее меня домой прибежит. Я-то вон её спасал, медленно бежал. А потом ещё птицы налетели, думал, заживо склюют...

— Ничего не понимаю, — встревоженно сказала Анна. Она потрогала Митькин лоб. — Какой вой деревья подняли? Отец остался дерево рубить? На ночь глядя? Один?

— Не знаю, я убежал. Мы убежали. Там чертовщина какая-то творится. Я говорил, не надо в Поганом лесу рубить, так батька разве послушает? Думал, он раньше меня прибежит. Я ведь с ней бежал, — он кивнул на гостью. — Тебя зовут-то как?

Девушка молчала. Сняла тулупчик и платок, положила на сундук. Села возле стола на лавку. Подняла на Анну лучистый взгляд.

— Может, глухая? — тихо спросила Митьку Анна.

Митька пожал плечами. Может, и глухая. Разве мог человек с нормальным слухом стоять и смотреть на орущий лес?

— Будешь Беяна, раз имени своего называть не хочешь.

Надо же тебя как-то называть. Согласна? — спросил он.

Гостья кивнула. Анна стала собирать на стол. На лице её проступил румянец, руки двигались суетливо, дрожали.

— Мить, ты мне толком объясни, что случилось, — попросила она. — Когда отец вернётся?

— Да не знаю я! — вспыхнул Митька, тут же одумался и уже спокойно продолжил: — Надо мужиков собирать и на поиски идти. Один я туда не вернусь. Леший там буянит или черти. Там из дерева кровищи полилось, как с порося!

— Да что ты такое несёшь? — воскликнула Анна, и в голосе её послышались слёзы. Она потянула к глазам передник, чтобы вытереть глаза.

Митька встал, обнял мать. Прижал к груди её голову. Анна чуть отступила назад, живот мешал прижаться к сыну.

— Я к старосте пойду, — сказал Митька, глядя мать по голове. — Попрошу, чтобы мужиков созвал. Пойдём на выручку. Найдем батьку, не плач.

— Я сама пойду, — вдруг решительно сказала Анна. — Тебя слушать не станет, погонит самого в лес. А мне не откажет. Побоится перед севом, — она погладила торчащий живот.

Митькины возражения она слушать не стала. Бабе на сносях отказывать в просьбе — урожай сглазить. Анна набросила на плечи шерстяной платок, сунула ноги в старые растоптанные сапоги.

— Ты гостью-то корми, — крикнула она сыну из сеней,

закрывая за собой дверь.

В хате стало тихо. Беяна сидела за столом, смотрела на Митьку ласково. На её лице не было беспокойства, словно она не понимала, что произошедшее с этой семьёй очень страшно.

Митька отчего-то смущался, глядя на неё. Кожу на щеках пощипывало от вспыхнувшего румянца. Вот глупость! Отец там плутает среди взбесившегося леса, а он тут с барынькой в гляделки играет.

Митя вернулся к столу, сел. Взял остывший блин, сложил его преувеличенно-старательно, макнул в сметану, откусил.

Сегодня последний день Масленицы. Поп запретил сжигать чучело и пускать огненное колесо. Сказал, что весна приходит потому, что бог так велит, а не потому, что селяне языческие обряды справляют.

На площади у церкви всё равно гуляние будет. И если бы Митька ушёл на праздник пораньше, не было бы никакой липки и взбесившегося леса. Водил бы сейчас хоровод с девушками, весну зазывал. Может, даже поповну Лизоньку за белую ручку подержал.

Митька кивнул Беяне, приглашая её попробовать угощение. Девушка взяла блин, сложила его, макнула в сметану, откусила. На губах её осталась белая капля, и Митька поймал себя на желании утереть пальцем её губы.

Что, если отца уже нет в живых? Митька ведь давно вернулся. Отец — крепкий мужик, он должен был быть уже до-

ма. Митя был очень похож него: русоволосый, сероглазый, долговязый. Плечи его уже начинали шириться. Отец говорил: «Ещё не кобель, но уже не щенок».

Митька положил блин на стол. Тревога не давала сидеть спокойно. Он поднялся, постоял перед образами, переkreстился. Выглянул в окно, ожидая увидеть мать со старостой. Поверит ли Фёдор Игнатьевич в Митькины рассказы? Хорошо бы барынька словечко замолвила, так ведь молчит, словно без языка.

В сенях, наконец, раздались голоса, шумно вошли люди. Басовитый голос старосты кого-то гнал домой:

— Ступай, нечего тебе тут делать, сами разберёмся! Ступай, говорю!

Дверь открылась, в хату вошла мать. Следом, тяжело дыша, ввалился староста — грузный бородатый мужик с близко посаженными подозрительными глазами. Он сразу занял собой чуть не полхаты. Из-за его плеча тянула голову старая мать батюшки Алексея — Домна.

— Иди домой, матушка, — повернулся к ней староста. — Не твоё это дело. Сами управимся.

— Да я только дух переведу и уйду сразу, — пообещала старуха. Она проворно обогнула массивное тело Фёдора Игнатьевича, пересекла хату и уселась на лавку.

— А это кто ж такая? — восхищённо проговорила Домна, глядя на Беяну.

— Племянница моя из Спицевки, — соврала Анна, не же-

лая отвлекать старосту от главного разговора.

— Откуда это у тебя такая племянница? — Домна уставилась на Анну цепким взглядом.

Одета старуха была в чёрное с ног до головы. Лицо её нездорового желтоватого цвета изрезали крупные морщины. Но глаза оставались молодыми, подвижными, живыми.

Анна отвела взгляд, умоляюще сложила руки.

— Фёдор Игнатьевич, помоги, ради бога, — напомнила она о себе старосте, который с любопытством разглядывал Беяну. — Помоги Ванечку моего отыскать!

— Что там приключилось? — спросил староста Митьку, усаживаясь на лавку и берясь за край блина.

— Черти там, Фёдор Игнатьевич! Богом клянусь! — Митька перекрестился. — Стали мы с отцом липу рубить, а дерево взвыло человеческим голосом. Кровищи со ствола на-текло! Липа ветками стала нас бить. Я побежал, а батька отстал. Деревья били меня, догнать пытались. Из земли вылазили. А птицы огромной стаей следом летели...

— Прямо вылазили? — уточнил староста, жуя блин.

— Да вот у неё спросите! — указал Митька на Беяну.

Староста наклонился к сидящему рядом Мите, громко втянул воздух, обнюхал. Покачал головой. Откусил от блина ещё кусок.

— Что, гнались за вами деревья? — спросил он Беяну.

Девушка улыбнулась, пожалала плечами и опустила голову.

— Племянница твоя на голову убогая? — громко спроси-

ла Домна.

— Фёдор Игнатьевич, батюшка, заступись! — Анна всхлипнула. — Не оставь меня с детьми без кормильца. Что те черти с Ванечкой моим сделают? А как в ад утянут? Убьют? Как же я тогда одна-одинёшенька? Заступись, батюшка! Если ты не поможешь, где мне помощи искать?

Она опустила на стоявшую возле печи табуретку, склонилась и, прижав к животу ладони, заголосила, раскачиваясь в стороны. Домна, кряхтя, вылезла из-за стола, подошла к Анне, прижала её голову к своему животу и укоризненно воззрилась на старосту.

— Да понятное дело, надо искать, — задумчиво сказал Фёдор. — Но что мужикам сказать? Был бы твой Ванька пьяный и заблудился — это понятно. Никто бы не спросил, зачем ночью в лес тащиться. Пошли бы. Замёрзнет ведь, если не искать, болеть будет. Помрет еще. Оно хоть и не зима уже, а ночами холодина. Да... Но черти? Деревья, которые из земли лезут? Кровища из ствола?

Он снова наклонился к Мите и понюхал воздух.

— Да не пил я! — возмутился Митька.

— Ты, Фёдор Игнатьевич, зря парня обижаешь, — вдруг вступилась Домна. — Место там гиблое. Не зря тот лес Поганым зовут. Всё идол этот языческий! Не зря он там поставлен, охраняет он что-то. Кладбище там, говорят, раньше было языческое, а у идола людей в жертву их богу приносили. Неупокоенные души там. А под идолом колдун лежит,

страшный был человек. А где не отпетые покойники, там и нечистая сила. Спасать Ивана надо!

Анна стала всхлипывать тише, обрадовавшись поддержке.

— Но мужиков туда посылать — верная гибель! Тут ты прав, надо утра ждать, — закивала Домна головой.

Анна оттолкнула старуху и заплакала громче.

— А чего идол? — спросил староста. — Идол за вами тоже гнался?

Фёдор Игнатьевич посмотрел на Митьку. Тот отрицательно помотал головой. Староста задумался.

Анна вдруг схватила Домну за руку, крепко сжала, глухо застонала. Старуха посмотрела на неё. Анна задышала коротко и неровно. Её тело пронзала боль, но показать это при посторонних она не могла.

— О-о-о, — протянула Домна. — Так, Игнатьевич, давай ступай домой. Завтра на рассвете мужиков соберёшь и на гору погонишь. Митька пусть дорогу покажет. А я батюшке Алексею скажу, чтобы икону дал мужикам, когда в лес пойдут. С нечистойю топорами не совладаешь.

— Чего это ты распоряжаешься, матушка? Сам знаю, когда кого куда посылать, — обиделся староста на старушечью вольность.

— Иди, — повторила Домна и многозначительно повела головой в сторону Анны. — И пошли кого-нибудь из мальцов своих к Устинье. Пусть берёт свой узелок, с которым к

бабам ходит и бежит сюда. Да поторопись!

Староста посмотрел на Анну, скривившуюся от боли начавшихся родов. На лице Фёдора Игнатьевича появилось растерянное, почти испуганное выражение. Жена его рожала часто, шумно и суетно. Фёдор Игнатьевич в такие «непростые» дни старался оказаться очень занятым хозяйственными делами на другом конце села. Староста поднялся, пообещал всё сделать «как надо» и, прихватив с собой блин, вышел из хаты.

— Ты давай-ка, вставай, — ласково проговорила Домна, помогая Анне подняться. — Давай уложим тебя. Вы чего уставились? Вон пошли! — прикрикнула она на Митьку и Беляну. Анна тихо застонала.

Молодые люди похватали тёплую одежду и вышли на улицу. Вечерело. За забором раздалось мычание. Корова вернулась из стада и обиженно тыкалась мордой в калитку. Митька ойкнул, потянул гостью за рукав.

— Пойдём в мастерскую, — сказал он. — Там тепло. Печка греет. Дерево должно в тепле сохнуть, батька строго за этим следит. Он у меня самый лучший плотник на всю округу! Его Мастером с горы называют. Таких мастеров ещё поискать надо. Идём, посидишь в мастерской, а я корову встречу.

Он открыл дверь в мастерскую. Пахнуло пиленным деревом. Беляна вошла, осмотрелась, провела рукой по сложенным у стены доскам. Села на лавку, взяла со стола почти го-

товую ложку. Подняла голову и улыбнулась Митьке. Он кивнул в ответ, чувствуя, как смущение снова проступает на щеках румянцем. Парень закрыл дверь.

Солнце уже садилось, и деревья отбрасывали длинные длинные тени.

Митька пошёл открывать ворота корове и вдруг замер. На влажной земле у забора отчётливо виднелись следы. Нечеловеческие.

И не звериные. Как будто кто-то шёл, втыкая в землю корни. И земля вокруг поднималась влажными комьями. Пронзительно, громко крикнула птица, спорхнула с дерева и полетела на вершину Стрижаменты.

— Они не отпустят, — услышал Митька тихий шёпот.

— Кто? — спросил он оборачиваясь. Рядом никого не было.

Глава 3. Поиски плотника

Утро было хмурым, пасмурным. Митька проснулся от шума во дворе, размял затёкшую руку. Беяна спала на лавке, прикрытая тулупчиком. Митька ночевал на сложенных у стены досках.

— Митька! — донеслось со двора. — Ми-и-итька-а!

Мужики пришли к дому плотника, когда только начало светлеть небо. Поп прислал младшего сына — тощего вертлявого Петьку, чтобы нёс икону. Предполагалось, что нечисть от светлого лика побоится своевольничать, и это облегчит поиски.

Митька вышел из мастерской, тихо прикрыл скрипучую дверь. У калитки столкнулся с Устиньей. Знахарка остановилась и кивнула здороваясь. В детстве Митя её боялся, как и вся детвора в селе.

Устинья была похожа на Бабу-Ягу: сухая, костлявая, с резкими скулами на худом лице и длинным крючковатым носом. Она посмотрела на Митьку тёмными в морщинках глазами, потом поправила платок, заправляя седые волосы, и вышла за калитку.

— Сестра у тебя, — сказала она вскользь, буднично, как будто ничего особенного не произошло.

Но ведь произошло! Произошло очень особенное. Митька обернулся на хату. Улыбнулся. Сестрёнка! Он вырезал

для младенца деревянную погремушку и прятал её в мастерской.

Захотелось вернуться за игрушкой и пойти поздравить мать, посмотреть на сестру. Но собравшиеся на поиски мужики торопили. У всех дела в хозяйстве, да и выяснить надо, что там с Иваном черти сделали. Митька и сам знал, что надо спешить, но ноги не шли.

Идти в Поганый лес было страшно. Поднимаясь по склону Стрижаменты, Митька всё ждал, что вернутся птицы, кусты снова начнут стегать его по лицу. Полезут из земли деревья, скрипя стволами и роняя ветви. Но было тихо.

Успокоился даже ветер. Утро было прозрачное, холодное, влажное. Голые ветви деревьев издалека казались опутанными туманом, словно паутиной. Митька от этой тишины ещё больше нервничал. Казалось, деревья заманивают, ждут, когда люди отойдут далеко от жилья.

Митя старался идти рядом с Петькой, несущим икону. Мальчишка преисполнился важности, шёл медленно, словно копируя отца, совершающего крестный ход. Мужики торопили, но Петька не слушался.

Тонко и звонко он вдруг запел: «Господи, Боже Великий, Царю безначальный, пошли Архангела Твоего Михаила на помощь рабам Твоим. Защити, Архангеле, нас от всяких врагов, видимых и невидимых. О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушитель, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их яко овцы, и смири их

злобные сердца, и сокруши их, яко прах перед лицом ветра».

Проходя мимо каменной бабы, Петька прервал благочестивое пение и выразительно плюнул в идола. Мужики осуждающе загалдели. Мало ли что за сила в Поганом лесу беснуется? Не стоит злить местных духов, особенно когда не знаешь добрые они или злые. Но Петька на возражения не отвечал. Выставив перед собой икону, он шёл к Поганому лесу, чувствуя себя спасителем всей земли русской.

Мите казалось, что кости в его ногах стали мягкими и он вот-вот рухнет в траву. Тело опять стала бить дрожь. Всю дорогу он рассказывал мужикам о том, что видел в лесу. Над ним посмеивались, пугали, тыкая веткой в спину. Но когда подошли к Поганому лесу, шутки поутихли. Петька остановился и выставил икону перед собой словно щит.

— Ба-ать-ка! — закричал Митька дрогнувшим голосом.

— Ива-а-ан! — подхватили мужские голоса.

Постояли, оглядываясь, покричали. Вошли в лес. Снова покричали. Лес отвечал звонким птичьим пением.

Дошли до липки. Нашли топор, испачканный кровью, перевёрнутую тачку. Перешёптывались, крестились.

Митька поднял топор, обтёр лезвие о землю. Кровь дерева была такой же красной, как у людей. Разве так бывает? Берёзовый сок, к примеру, совсем прозрачный. Митьку замутило от мысли, что он пил кровь дерева, пусть и прозрачную.

Вокруг деревьев вздымалась влажными комьями земля. Как будто великан окапывал стволы, переворачивая прошло-

годнюю траву вверх корнем.

— Слушай, Мить, а ты не брешешь? — спросил кузнец. — Может, ты батьку своего того... Сам порешил? И кровь на топоре его? А сказки нам эти тут рассказываешь, чтобы тебя на каторгу не забрали? Кровь на топоре красная, откуда у деревьев кровь?

— А ты сам попробуй! Вон на стволе рана от топора! Давай, руби! — возмутился Митька и вспыхнул от несправедливого обвинения.

От злости даже стал меньше бояться. Мужики осмотрели раненный ствол. На нём в оставленной топором щели были видны кровавые подтёки. Кузнец собрался было продолжить свою мысль про отцеубийство, и даже рот открыл, чтобы предположить, как плотников сын дерево кровью мазал, но передумал. Перекрестился и закричал:

— Ива-а-ан! Ванька-а-а!

Крик громко, гулко прозвучал в лесной тишине. Мужики подхватили, стали звать плотника. В поисках разбрелись по лесу. Кричали, заглядывали под кусты и в дупла, искали следы.

Митька вытащил из кустов тачку. Батька бы отругал, если бы сын её бросил в лесу. На душе было паршиво. Все звучали в голове слова кузнеца, обвинявшие в убийстве отца. Мужики при этих словах уставились на Митю, словно верили в них и ждали ответа. Как они могли так подумать?

Митька любил отца, стремился во всём быть на него похо-

жим. Разве он смог бы? А липка смогла. Ей-то что до человеческой любви? А может, дереву и вправду было так больно? Парень стал осматривать землю вокруг липы. Следов отца не нашёл.

Искали почти до вечера. Обошли вершину горы. Дошли до каменной караулки, где проживал лесник. Мог ведь потерявшийся от страха Иван пойти в противоположную сторону от дома и переночевать у лесника? Мог. Митька подёргал висящий на двери замок. С тоской посмотрел вдаль, на голубеющие предгорья.

Надо было возвращаться. В душе теплилась слабая надежда на то, что Иван вернулся, пока его искали в лесу. Сидит в тёплой хате, качает новорождённую дочь. Мамке надо помочь с хозяйством. Беяна ещё...

Мужики молча шли обратно. Петька от усталости растерял торжественность и важность, плёлся позади всех, икону нёс, прислонив к боку. Митька готов был плакать от отчаяния. Чтобы там не шептала надежда на благоприятный исход, а батьки больше нет. Он осознавал это с пронзительной ясностью.

Хотелось закрыться в мастерской и реветь как малолеток, размазывая по щекам слезы. Но ведь он теперь единственный хозяин в доме, мамке опора и сестре вместо отца. Не до слёз, надо быть сильным. Как батька. И Митя, украдкой смахивая текущие из глаз слёзы, чуть отстал от мужиков. Не хватало ещё, чтобы заметили его слабость.

У хаты плотника попрощались. Кузнец предложил и завтра пойти на поиски. Митька вскинулся было от новой надежды. Тела ведь не нашли, может, правда, жив Иван? Но остальные хлопали его по плечу, советовали крепиться и матери быть опорой. Заочно схоронили Ивана.

Митька вошёл в хату, опустил голову. Мать сидела на лавке, кормила младенца. Она подняла на сына глаза, полные надежды. Парень помотал головой.

— Это ничего, — сказала Анна. — Он вернётся. Тело мёртвое не нашли, значит жив мой Ванечка. Разве он не захочет на дочку посмотреть? Ведь так ждал, когда ребёнок народится. Он вернётся. А мы его подождём.

В голосе её звучала уверенность. Мите даже полегчало от материных слов.

— Если бы волки задрали, вы б одежду нашли, — продолжила Анна. — Не сквозь землю же он провалился.

Митька отчего-то вздрогнул. Колыхнулось воспоминание, ярко и болезненно вспыхивая перед глазами: липа беснуется, крутит ветвями, воем. А под её стволом из земли торчат отцовы руки, цепляются за воздух. А потом всё пропало, словно провалилось. Но ведь так не могло быть. Митька тогда от страха боялся обернуться. Он совершенно точно не оборачивался.

Митя тряхнул головой, прогоняя обманное воспоминание.

— Как назовёшь дочку? — спросил он мать улыбнувшись.

— Никак. Отец вернётся и назовёт, — ответила Анна, отнимая девочку от груди. — На, поддержи сестрёнку.

Митька неумело взял ребёнка, посмотрел на крошечное некрасивое личико. Как из таких маленьких сморщенных старушек получаются красивые девки?

Мать тяжело поднялась. Стала собирать на стол ужин. Митька посмотрел на неё и как будто увидел заново. Анна постарела за эту ночь. Морщины от губ резко и отчётливо выделялись на бледном лице. Может это из-за неровного света керосинки? Всегда аккуратно убранные под платок волосы были наспех сколоты гребнем, выбившиеся пряди падали на лоб. На рубахе расплывались мокрые молочные пятна. Двигалась Анна тяжело, медленно.

— Мамань, ты ложись, я сам, — торопливо сказал Митька.

Он вошёл в родительскую комнату, положил сестру в люльку. Отец делал колыбель с особым старанием, даже напевал:

«Сон да Дрёма, приди в дом,

Сядь на люлечку верхом,

Укачай моё дитя,

До белого до утра.

Ангел в головах стоит,

Богородица хранит».

— Я тебе погремушку сделал, — прошептал Митька. — Спи, Маруська, мамке нашей не докучай.

Имя само прилепилось, и выдумывать не надо. Маруська она и есть. Машенька. Митя прикрыл люльку вышитой занавеской. Чуть качнул её.

Анна села на лавку, положила руки на стол. Митька испугался, что она сейчас заплачет и тогда он не сможет быть сильным, превратится в маленького испуганного ребёнка. А ему ведь нельзя. Никак нельзя!

— Мамань, ты поешь тоже. Тебе силы нужны. Кто за скотиной ходил, пока меня не было? Беяна? — торопливо спросил он.

— Домна приходила. Помогла. Сказала, завтра Лизу пришлёт, — тихо ответила мать.

У Митьки аж сердце зашло. Лизонька, светлый ангел, придёт к ним в хату?

— От Беяны твоей совсем проку нет, — прервала Анна Митькины мечтания. — Ты отвёл бы её, откуда привёл. Может, её кто ищет? Убивается, как мы.

— А где она? Спит, что ли?

— В мастерской, — махнула рукой Анна. — Домна сказала, что сидит девка на лавке, ручки белые на коленках сложила. Отведи её обратно. Люди что говорить начнут?

— Что у тебя племянница из Спицевки гостит, — рассеянно ответил Митька. — Надо бы покормить её. Я пойду, приведу.

— Спать-то где будет?

— У меня на кровати пусть спит, я на печь лягу. Не вести же мне её в лес ночью? Завтра видно будет.

— Странная она. Молчит. К хозяйству совсем не приучена. Может умом убогая? Или из богатой семьи. Найдут её у нас — беда будет. Скажут, украли девку, — ворчала Анна.

Митька и сам понимал, что Беяне в их доме не место. Чужая она, не родня. Может, и права мать, ищет её кто-то. Надо назад вести. Но когда вошёл в мастерскую и ласковый взгляд зелёных глаз обратился к нему, Митя забыл о своих размышлениях. Какая же она чужая? Разве от чужих улыбок так тепло бывает? Разве чужих хочется обнимать?

Беяна поднялась с лавки, шагнула ему навстречу, руки к груди прижала. Рада видеть его, понял Митька.

— Что же ты тут? Пойдём в хату. Пойдём, поешь. Спать на кровать ляжешь. Так и прождала меня здесь весь день? — спросил он, подавая ей тулупчик.

Девушка кивнула. Она улыбалась так светло и восторженно, словно Митька сам был ангелом небесным.

— Тебя, наверное, ищут? — спросил Митя, когда выходили из мастерской. — Ты домой дорогу знаешь? Я провожу тебя утром, хочешь?

Беяна замотала головой, взгляд её сделался тревожным,

умоляющим. Она схватила Митьку за рукав, стала заглядывать в глаза. Он с облегчением понял, что девушка не хочет уходить. Похоже, боится, что её прогонят.

Ну нет, так нет. Место в хате есть, еды хватит. Теперь он за главного, как решит, так и будет. А что к хозяйству не приучена — не беда. С этим знанием не рождаются. Маруська тоже не приучена, а подрастёт и всё уметь будет.

Когда вошли в хату, Анна уже легла. Митька поставил перед девушкой кашу, подвинул миску с хлебом. Молча смотрел, как она ест. Беяна ела аккуратно не спеша. Улыбалась.

Тёплый жёлтый круг света от лампы падал на стол, освещая руку Беяны. Права мать, некрестьянских кровей девка. Очень уж беленькая. Руки труда не знают, без мозолей, кожа гладкая.

И вся Беяна какая-то яркая. Митька не смог бы объяснить, если бы его спросили. Но был в девушке странный свет. Как будто все цвета в ней преувеличены. Вот глаза как весенняя зелень. Разве глаза могут быть такими зелёными? И волосы как солнечный луч или облако. К таким белым волосам и брови полагаются белые, а Беяна темнобровая и ресницы у неё тёмные, пушистые.

После ужина Митя проводил гостью в свою комнату, задёнул занавеску в дверном проёме, чтобы не смущать девушку. Убрал остатки ужина. Погасил лампу. Улёгся на печь.

Сон пришёл не сразу. Сначала Митька долго вспоминал, как они с мужиками шли по лесу. Как звали Ивана. Мать

права, если бы напали волки — остались бы следы. Если только отец не провалился сквозь землю. Вновь замелькали в памяти страшные картины. Митя распахнул глаза, вглядываясь в темноту, прогоняя страшные видения.

В хате тихо и тепло. Пахнет кашей и стиранным бельём. Захныкала Маруся, Анна заворочалась.

— У-у-у-у... Ну тише, тише, — шептала мать.

Заскреблась за печьюмышь. Уютные родные звуки, наконец, убаюкали. Митя успел подумать, что надо оставить на ночь кошку в хате, чтобы поймаламышь и провалился в сон.

Снился Митьке Иван. Он стоял у Марусиной люльки и смотрел на девочку, покачивая головой.

— Ах, краса какая, — довольно шептал отец, боясь разбудить дочь. — Смотри сына за сестрой, такой красоте глаз да глаз нужен! Не успеешь оглянуться, как женихи начнут порог обивать.

— Бать, я её Марусей назвал, — виновато прошептал Митька.

— Хорошее имя, пусть будет, — согласился Иван. Он вытащил из люльки погремушку, сделанную Митькой. Прищурился рассматривая. — Хорошая работа. На ярмарку в Ставрополь таких сделай. Хорошо покупать будут, я уж вижу. Выйдет из тебя мастер, Митька.

— Бать, ты когда вернёшься? — замирая, спросил Митька. — Где искать тебя?

— Не ищи, — ответил отец и взял из люльки дочь, прижал

к себе баюкая. — Ты теперь за меня.

Глава 4. Пролески в колыбели

Анна проснулась, когда совсем рассвело. Испугавшись, что проспала и не выгнала в стадо корову, она села. От резкого движения закружилась голова. Анна зажмурилась. В горнице тихо. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить дочку, Анна встала, наскоро оделась, скрутила волосы в тугий узел.

Анна всегда спала чутко, но сегодня сон её был необычайно крепким. От этого туман в голове никак не рассеивался, хотелось вернуться в постель и снова уснуть.

Она отодвинула завеску на люльке. Сердце ухнуло, провалилось. Люлька была пуста. На детском лоскутном одеяльце лежал букетик увядших синих пролесок.

Стараясь сдержать нарастающую панику, она ощупала одеяльце. Позвала сына:

— Мить!

Митя на печи заворочался, но не отозвался.

— Митька! — громче позвала Анна.

Она ощупала свою постель. Могла ведь ночью, не помня себя от сна, взять девочку покормить и не положить её в люльку. С каждой секундой ужас нарастал, мелко дрожали руки, сжималась под грудью тревога плотным узлом. Ребёнка в горнице не было. Анна бросилась к сыну, стала дёргать его за руку.

— Мить! Митька, да проснись же! — почти кричала она.

— Мить, ты ребёнка брал?

Митя открыл глаза, уставился на Анну. Со сна он никак не мог понять, чего матери надо. Хотелось вернуться в сон, продлить светлое доброе видение.

— Мить, — позвала мать и всхлипнула, закрыла ладонью рот, плечи её затряслись.

Митька окончательно проснулся. Слез с печи. Анна уткнулась лицом ему в грудь, потом резко отпрянула.

— Что случилось, мамань? — спросил Митя.

— Девочка пропала. Я думала, ты к себе взял. Я проснулась, а люлька пуста. Господи, как же это? Спаси и сохрани, Господи! Может Беляна? Беляна!

Анна повернулась в сторону Митькиной комнаты, в глазах её вспыхнула надежда. Беляна сразу вышла на зов. Аккуратно причёсанная, опрятная, словно и не ложилась. С ласковой улыбкой она кивнула здороваясь.

— Маруся у тебя? — спросил Митя. Беляна покачала головой.

Митька бросился в спальню Беляны, перевернул постель, заглянул под кровать. Девушка переводила растерянный взгляд с него на Анну.

Анна заголосила, села на лавку, обхватила голову руками. Предназначенное младенцу молоко потекло из груди, оставляя на рубахе мокрые круги. Беляна прижалась спиной к стене, смотрела испуганно. Митька сорвался с места, принялся осматривать хату. Даже в сундук заглянул.

— Я виновата, не назвала девочку... Без имени дитя... И некрещённое... Я виновата, — причитала Анна. — Нечистая сила унесла. Как Ванечку моего...

Беляна бросилась обнимать Анну.

— Маруся она, я назвал, — крикнул Митька. — Есть у нее имя!

Он вышел в сени, загремел посудой. Нет, он не надеялся найти сестру в кувшине, но не мог остановить поиски. Остановиться, значит признать, что сестрёнки нет, как и отца. Ещё одна разрывающая сердце потеря. В голове билась птицей страшная мысль, что Марусю тоже никогда не найдут.

— Может, цыгане выкрали? — предположил он, вернувшись в хату. — Что это у тебя?

Анна подняла руку, в которой сжимала пролески.

— В люльке были, — растерянно ответила она.

— Ты положила?

— Нет. А если это Ванечка приходил? — почти радостно воскликнула Анна. — Он вернулся из леса, взял дочку. Будить нас не хотел. Они во дворе...

Она вскочила, побежала на улицу, теряя помятые цветы. Митька поспешил следом. Но во дворе Ивана не было.

— Ваня! — закричала Анна.

Не было плотника и на скотном дворе. Митька выбежал за калитку. Отец ведь мог пойти с Марусей погулять в лес.

— Ванечка! — звала Анна.

— Ань, ты чего кричишь? — Вытянув из-за забора шею,

спросила соседка. — Мужик твой нашёлся? Вот радость!

— Девочка пропала, доченька моя пропала, — ответила Анна. — Авдотья, ты ночью не слышала, может, шум какой? Может, цыгане выкрали? Собака не лаяла. Мы спали все, как будто кто опоил, ничего не слышали. Ты не слышала?

Авдотья, ожидая подробностей, наклонилась, перевернула ведро, поднялась на него и, рассматривая соседский двор, сказала:

— Не слышала. Ничего не слышала. Может, нечисть уволокла? Как Ивана твоего. Ребёнок-то ещё некрещённый. Ты красную нитку на запястье навязывала?

— Нет, — растерялась Анна.

— А надо было. Устинья не сказала? Я своим при рождении привязываю шерстяную нитку на руку, чтобы никто не сглазил, и кикимора не унесла. Меня ещё бабка моя учила: какая мать дитя породила, та пусть и отводит. До крещения дитя ведь никто не защищает. Ты бы к Устинье сбегала, может, она воск выльет, поищет твою пропажу, — посоветовала Авдотья.

Анна благодарно кивнула. Авдотья знала толк в том, что говорила. Детей у неё было шестеро, все похожи друг на друга как капли воды разного размера.

— А что за девка у тебя живёт? — спросила Авдотья, глядя поверх головы Анны.

— Племянница моя, — отозвалась Анна, направляясь к калитке.

Устинья обязательно поможет! Как она раньше о знахарке не подумала? Она ведь и пропавших коров находила быстрее Бурана, пастушьего кобеля. Устинья любую хворь заговорит, любую нечисть приструнит.

Беляна стояла на пороге хаты, смотрела на Авдотью. Девушка казалась большой неподвижной куклой в нарядной одежде. Беляна не улыбалась, лицо её выглядело застывшим, словно неживым. Авдотья испуганно перекрестилась и скрылась за забором.

У калитки Анна столкнулась с Митькой.

— Мамань, ты куда? — спросил он.

— К Устинье я. Может, воск выльет, поищет девочку, — не останавливаясь ответила мать.

— А я тогда к старосте! — крикнул на бегу Митя. — Он мужиков соберёт, по селу искать станут.

Главное — не останавливать поиски. Остановиться — значит признать, что искать больше некого.

Глава 5. Устинья ворожит

Дом знахарки стоял на другом конце села. Анна совсем выбилась из сил, пока добежала. Тело после родов ослабло, казалось тяжёлым.

Анна толкнула калитку, прошла по утоптанной дорожке между голых ещё кустов смородины. На порожках сидел подросток, точил лопату.

— Васятка, — обратилась к нему Анна. — Бабушка дома?

— В огороде, — махнул мальчишка. — Пойди тётъ Ань, там она.

Анна зашла за хату, прошла узкой тропинкой к огороду. Устинья собирала крапиву, выросшую у забора на солнечной стороне.

— Устинья, матушка, — позвала Анна. Она пошла к знахарке, и слёзы вновь подступили к горлу.

— Чего стряслось? Молоко не пришло? — спросила Устинья выпрямляясь.

— Помоги, матушка! Помоги! Ты всё можешь. И силу нечистую изгнать, и пропажу найти. Помоги! — Анна начала всхлипывать.

— Да что стряслось, заполошная? Ты за Ивана просить пришла? — встревожилась знахарка.

— Дочушка моя пропала, — Анна тяжело опустилась на землю, заплакала, раскачиваясь в стороны. — Как Ванечку

моего черти забрали, так и её кровиночку. Унесли ночью дочушку мою. Никто мне не поможет, никто не найдёт её. Пропадёт она, и я пропаду от горя.

— Пойдём в хату, — решительно сказала Устинья, поднимая Анну. — Вставай давай, застынешь тут на земле холодной. Мне ж потом твою хворь лечить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.